

Андрей Малыга

Слияние черных дыр

Андрей Малыга

Слияние черных дыр

<https://litres.ru/74031231>

SelfPub; 2026

Аннотация

В результате слияния черных дыр наш современник оказывается в прошлом. Оказавшись в прошлом главный герой хочет предотвратить войну между Россией и Украиной. Он считает, что главная причина это распад СССР. Он пытается доказать что он пришелец из будущего и рассказывает о войне. Но ему не удается узнать, смог ли он предотвратить войну, так как его забрасывает в будущее, познакомившись с будущим, он возвращается назад в свое время с прививкой молодости.

Второе произведение о полете землян на Марс. Земляне смогли объединиться и запускают интернациональную эскадру на освоение Марса.

И завершает книгу статья, которая может объяснить идеи на которые опирается сюжет первой повести

Содержание

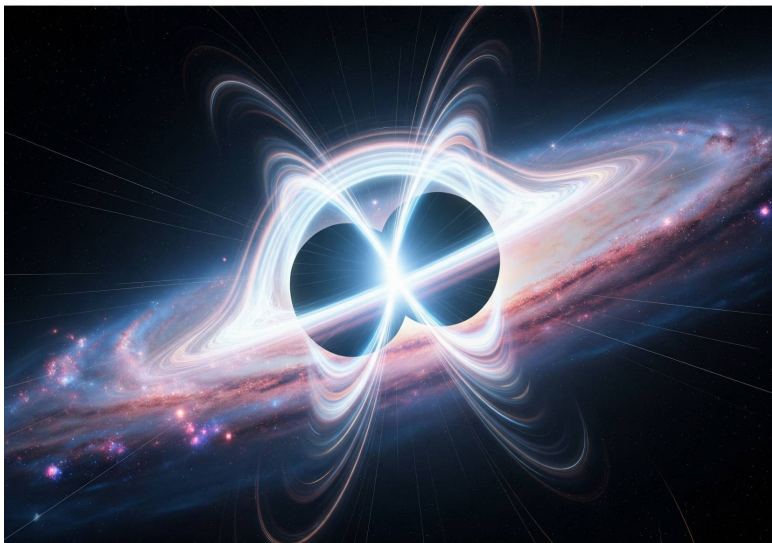
Глава	4
Слияние черных дыр	6
Глава 1	7
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Малыга

Слияние черных дыр

Глава

Кривонос А. С.

Научная фантастика

Слияние черных дыр

Это произведение возникло у меня под влиянием двух заметок в интернете. Первая заметка — это было предсказание. В этом предсказании было сказано следующее – в начале двадцатых годов начнётся война. В конце войны будет голод. В конце двадцатых годов будет сделано большое открытие, очень важное для людей, только уже не помню, связано ли оно будет с медициной или с энергетикой. А в 75 году, было сказано в предсказании, на Земле победит коммунизм!

Вторая заметка была следующего содержания: в ней было сказано, что где-то очень далеко во Вселенной произойдёт столкновение черных дыр, и в результате этого столкновения по Вселенной пойдёт Рябь, колебания пространства-времени. Вот эта информация, почерпнутая в интернете, и вдохновила меня на эту повесть.

Глава 1

Я тогда не сразу понял, что тут что-то не так. Просто не обратил внимания, что на тротуарах нет всей этой уймы машин на приколе, да и на дороге были, в основном, только автобусы и троллейбусы, грузовые автомобили и изредка такси с шашечками. А, может быть, и заметил, но не придал значения, подумал, что это день такой, когда все уезжают из города. Возле киоска, где продавалась печатная продукция, стояла тележка с мороженым. Я подошёл и спросил, сколько стоит мороженое.

- Двадцать копеек, - ответила мне продавщица.

Двадцать бань не хотелось искать в кошельке, поэтому я вытащил один лей и протянул ей. Она достала эскимо и протянула его мне и начала искать сдачу. Вдруг она воскликнула:

- Эй, эй! Это что вы мне даёте? Фальшивые деньги!

Я тоже испугался, откуда у меня фальшивые деньги? Даже стал как-то суетиться, и голос у меня какой-то стал тонкий и визгливый.

- Где, где тут фальшивые деньги, дайте посмотреть!

Она отдала мне мой лей и забрала мороженое. Я внимательно осмотрел свой лей и сказал:

- С чего вы взяли, что это фальшивые деньги, нормальный

лей!

- Не знаю, не знаю – ответила мороженщица, успокоившись, получив товар обратно, – может быть и нормальные, но это не наши деньги!

- Как это не наши, - стал я с ней спорить – вот смотрите, написано Република Молдова!

Уже в процессе спора я стал понимать, что что-то тут было не так. Во-первых, с какой стати мороженое может стоить 20 бань, если за проезд на троллейбусе нужно заплатить 2 лея, да и эта пустота на тротуарах и на дорогах... Спорил я уже больше по инерции, просто по убеждению, что это Кишинёв, Молдова и у меня молдавская валюта и другой быть тут не может. Правда начинало где-то расти сомнение. Может Молдова уже присоединилась к Румынии, а я как-то пропустил этот момент? Тут на шум, к нам подошёл полицейский или охранник – форма его была какой-то странной, хотя, и в то же время, знакомой, но вот где я ее видел, я не мог вспомнить. Впрочем, если Молдова присоединилась к Румынии, то, может быть, у румынских жандармов такая форма, я не знаю. Он спросил:

- Шо случилось Люба? Шо за крик?

- Да вот, фальшивые деньги всучил, и не признает! – ответила Люба.

- Дай посмотреть – сказал жандарм, и пока он рассматривал купюру, я решил к нему подлизаться и сказал:

- Домнуле колонел, чер скузе...

Я его назвал полковником, и обратился к нему на «лимба де стат», потому что, как сказал уже, хотел подлизаться к нему, но моё обращение не произвело того впечатления, на которое я рассчитывал, «жандарм» ледяным тоном произнёс:

- Так, мы ещё и издеваемся... насмехаемся над тем, кому доверена охрана порядка...

Я порядком струхнул и произнёс уже по-русски:

- Прошу прощения, я не издеваюсь, с чего вы взяли?

- А с того, что я не домнул, а товарэш, и, кроме того, я не колонел.

Я понял, что попал впросак и снова стал извиняться, но он уже меня не слушал, а обратился к мороженщице Любе:

— Это не фальшивые деньги, это румынские, этот товарищ видимо турист, - и обратившись ко мне он сказал:

- Вы из Румынии?

- Почему из Румынии? – ответил я – я из Молдовы

- Ну да, - сказал «жандарм» - в Румынии есть такое место Молдова! Только, если вы турист, то деньги нужно обменивать. У нас они не ходят.

- Как это они не ходят, с каких пор? – спросил его я

- А со всяких пор – ответил он – ходили только с 18 по 40 год!

Я ничего не понимал, и попытался все-таки выяснить:

- А какие же ходят? – Он мне ответил на это:

- Папаша, вот такие деньги ты видел? – он показал мне

купюру, – советские деньги ходят!

- Так ведь, тридцать лет назад их отменили – сказал я.

- Папаша, сказал бы я, если бы не твои почтенные годы, что тридцать лет назад отменили! И какие же ввели, если советские отменили?

- Леи – сказал я не совсем уверенно.

- Леи ходят в Румынии! А у нас советские рубли!

Я совсем растерялся.

- Вчера ещё ходили леи – сказал я.

- Э-э! Папаша, а документы есть у тебя?

- Есть, только я их не ношу, боюсь, что еще потеряю!

- А где живёшь?

- На Рышкану.

- Я тебя спрашиваю улицу, на Рышкановке мы с тобой сейчас находимся, а улица какая?

- Я и говорю, улица Думитру Рышкану!

- Нет такой улицы – заявил мой собеседник.

- Есть такая улица, на нижней Рышкановке, я там живу!

- Нет такой улицы, там есть Карманова, Хая Лифшиц, Аэродромная, Осипенко, а Рышкану нет, это мой район, и я, уважаемый, знаю, что есть в моем районе, а что нет! Так, что надо нам пройти...

- Куда? - растеряно спросил я.

- В отделение милиции, уважаемый!

- Зачем?

- Уж очень ты подозрительный, папаша!

Я попал в ситуацию, из которой я не знал, как выйти. Уже больше тридцати лет как милиции не было, а была полиция, но я не хотел заострять на этом внимание. Уж очень, какой-то нервный этот карабинер. Не нравится, что я его домнулом назвал – всем нравится, а ему, видите, не нравится. Этот молодой страж порядка мигом меня поймает, захоти я убежать. Драться с ним, мы тоже были, как говорится, в разных весовых категориях. Пришлось пойти с ним. Идти было недалеко. Мы спустились с ним в полуподвальное помещение, где за столом сидел человек в голубой рубашке с погонами. Он взглянул на нас и спросил:

- Кого это ты привёл, Давид?

Давид, это, как я понял, была фамилия моего стража, который ответил на вопрос:

- Да вот, товарищ лейтенант, подозрительный тип, пытался расплатиться за мороженое в иностранной валюте, а потом что-то такое подозрительное нёс о том, что советские деньги отменили тридцать лет назад.

Я немного успокоился, вот сейчас этот, видимо его начальник, ему разъяснит, что к чему. Мне даже немного стало жалко этого «жандарма», ведь могут и в дурку запереть. Но тот несколько не обиделся ни на то, что этот сумасшедший, назвал его товарищем и, по-видимому тоже был согласен, что советские деньги до сих пор в ходу.

- Ну, папаша, рассказывай, как ты докатился до такой жизни? Слишком долго праздновал и переусердствовал? Кстати

– обратился он к тому, который меня привёл, - а ну, покажи валюту!

Тот вытащил лей и отдал лейтенанту. Лейтенант внимательно осмотрел деньги и спросил меня:

— Что это?

— Это, товарищ лейтенант, румынские деньги - леи называются! – ответил вместо меня приведший меня страж порядка

- Да, написано «леу», а почему там написано «Република Молдова»?

- Ну, в Румынии есть Молдова!

- А почему република?

Мой страж выразился, типа того, что кто его знает, только другими словами, и пояснил, что Румыния - это республика, значит и Молдова, которая входит в состав Румынии, тоже республика.

Лейтенант подумал и тоже заметил, что все может быть и так. Обратившись ко мне, он спросил, откуда у меня такие деньги и попросил Давида перевести, на что тот ответил, что я знаю русский язык. Я ответил, что это мои деньги, что я их законно получил, и не знаю почему всех удивляет то, что у меня есть такие деньги, ещё вчера я ими расплачивался свободно. Потом я спросил, не в Приднестровье ли я нахожусь? Мне ответили, что я нахожусь в Кишинёве. Это меня совсем запутало, ибо, когда мне пришло в голову, что я нахожусь в Приднестровье, то это могло бы многое объяснить, и то,

что тут обращаются не домнул, а товарищ, и то, что их удивляют леи и многое другое. Потом лейтенант спросил своего подчинённого, не обыскал ли он меня, и когда тот сказал, что нет, попросил меня выложить все, что у меня есть на стол. Когда я выложил из сумочки на ремне свои смартфоны, а из рюкзака, планшет с зарядками и внешним аккумулятором они спросили меня, что это такое. Давид предположил, что это что-то вроде зеркальца – большое зеркальце и два маленьких зеркальца с темной поверхностью и когда я сказал, что нет, это не зеркальце, он был очень удивлён, потому что ничем другим, по его мнению, это быть не может. Когда я сказал, что это смартфоны и планшет, лейтенант сказал, что это ерунда, он знает какой должен быть планшет и показал мне плоскую сумочку для офицерских документов. Я ему ответил, что мой планшет может также поместиться в его сумочку, и может быть его потому и называли планшетом. Они показали на внешний аккумулятор и спросили, что это такое, я ответил, что это аккумулятор. Они засмеялись и хором заявили, что прекрасно знают, как выглядят аккумуляторы, это такие тяжёлые коробки, потому что они набиты свинцом и что их с трудом и подыметь, ну, поднять их конечно можно, но весят они дай боже! Так что, сказали, чтобы я им не заливал!

Старший из них, держа на весу смартфон, повторял:

— Смартфон, смартфон, смартфон, слушай, а это у тебя не телефон? - и когда я подтвердил ему, что это так, удовле-

творённо констатировал – рация, две рации! Понятно! Следите за ним в оба, а я позвоню капитану!

Пока он звонил, я рассматривал помещение. Меня заинтересовал календарь, лежавший на столе лейтенанта, настольный перекидной календарь, но он, заметив, что я смотрю на него закрыл его и велел, чтобы Давид посадил меня возле стены. Там на стене висел ещё один календарь – отрывной. Я спросил Давида:

- Что, коллекционируете музейные древности? – он не понял:

- Какие музейные древности?

- Да вот, старый календарь! Висит у вас на стене, свистнули в музее?

- Какой старый – сердито ответил Давид – новый, этого года, я вижу вы шутник, папаша!

Словно пелена спала с моих глаз, и я спросил их:

— Вы случайно не милиционеры?

Ожидая ответа по телефону, лейтенант заявил:

- Нет, мы вовсе не случайно милиционеры!

- Милиционеры! – выдохнул я

- Да, да, любезный, милиционеры! Не повезло, верно, сразу и в милицию?

- Какой сегодня год? – спросил я.

- Только не надо в дурку играть, не поможет! Шестидесят пятый год! – ответил мне лейтенант.

- Тысячу девятьсот шестидесят пятый? – переспросил я

- Да, да, именно! «Тысячу девятьсот шестьдесят пятый!»

— сказал лейтенант и заговорил по телефону:

- Тут у нас интересный случай образовался, товарищ капитан, не зайдёте?

Глава 2

Итак, произошло невероятное событие, которое совершенно не должно было иметь место: я оказался в прошлом. Невозможное произошло. Мне ничего не оставалось, как во всем признаться, капитану милиции, который появился через несколько минут. Мне, естественно, никто не поверил. Все мои уверения и доказательства – мои смартфоны, планшеты не помогли, хотя произвели впечатление. Я, конечно, не мог позвонить, ибо не было сети, о чем смартфоны мне старательно докладывали, но у меня были загружены книги, песни, аудиокниги, на планшете даже несколько фильмов. Научно-технический прогресс произвел впечатление, но все были уверены, что там за бугром, особенно в ЦРУ (на которое, конечно же, работает вся Япония, и не только она) есть и не такие «штучки» как выразился капитан, с которым были явно согласны и лейтенант и сержант.

- У нас тоже в органах и не то ещё есть – заявили они.

Меня приняли за шпиона и отвезли в КГБ. Там тоже никто не поверил, хотя все эти «штучки» явно их заинтересовали. Но мою «легенду» они оценили. Майор КГБ Чеботарь толковал мне:

- Гениально, такого ещё не было, по крайней мере я такого не слышал: забросить к нам человека, который якобы при-был из будущего. И что он говорит? Он говорит, что СССР распался, Молдавия стала свободной! Нет, вы только послушайте, что антисоветская пропаганда изобретает!

И все мои «штучки» они приняли за какой-то фокус, за некую декорацию, как в кино, которое не работает, а просто имитирует работу. Больше всего их поразило, конечно то, что можно было фотографировать со смартфоном, но они это объясняли, что там внутри у меня есть под стеклом плён-ка, на которой и отпечатываются фотографии. Майор явно посчитал, что наступил его звёздный час и немедленно позвонил в Москву. А меня отправил в камеру. Я уже пожалел, что во всем признался, потому что не представлял, что со мной сделают.

Глава 3

И вот в один прекрасный день, впрочем, мне вовсе не казалось, что он прекрасный, мы с майором КГБ улетели в Москву. Там меня начали обрабатывать всерьёз. Допрашивали и днём, и ночью, пытаюсь меня поймать на противоре-чиях. Даже допрашивали с помощью «полиграфа», о ко-тором я ещё помнил с тех пор, как посмотрел фильм про «резидента» с Жженовым в главной роли. Но, к большому их удивлению, не находили никаких противоречий, за кото-рые можно было ухватиться. Даже «полиграф», не мог пой-

мать меня на лжи. Мною занимались специалисты; психиатры, психологи и другие врачи самых разных специальностей. Выходило, что я говорил правду. Правда, врачи, которым меня показывали, избегали делать какое-то заключение. Понимаете, говорили они, человеческая психика таит еще много неразгаданного, понимаете, из всякого правила существуют исключения, а тем более, в психиатрии. Какое-то заболевание у кого-то может развиваться не в классической форме, поэтому нужно всегда делать допуски...

И снова за меня взялись! Меня заставили сделать письменное заявление, заставили написать биографии и свою и своих родственников. Мною занимался какой-то полковник. Пожилой, грустный, мне казалось, что он уже готов мне поверить. Я ему рассказал все, и про распад Союза, и про войну, и про все прочее.

- Так вы говорите, что вы с 58 года? То есть, вам сейчас 7 лет? – спрашивал он, внимательно и грустно на меня глядя. Я его понимал, он был предпенсионного возраста, но еще хотел работать, но если он поверит мне, что я с 58 года, то выпрут немедленно на пенсию. А у него и дети и внуки...

- Нет – отвечал я – Я ведь вам говорил, что я с 21 века, 2022 года.

- Трудно в это поверить, как это вы докажете?

- Отдайте ученым те приборы, которые вы у меня отняли, они сразу поймут, что это не ваши технологии. Отдайте им смартфоны, планшет, зарядки, аккумуляторы!

Пожилой полковник грустно смотрел на меня:

- Да, это бы, наверное, как-то помогло, но их у меня нет!

- Как нет? – изумился я – Все осталось у кишиневского майора, потребуйте у него!

- Нет у него – ответил полковник – и говорит и никогда и не было!

- Как говорит? – возмутился я – это что, слямзил и не отдает?

Полковник возмутился:

- Как это слямзил! Майор КГБ?

- Слямзил, слямзил! - горячился я, мне уже было все равно, этот майор КГБ поставил меня в такое положение, что я уже ничего не боялся.

- Нет – вздохнул полковник, - у нас это исключено, у нас это очень строго, никто не пойдет на это. Тут может другое. Может, взял домой эти диковинки, жене показать и детей удивить, а дети заигрались и разбили приборы! И тут ему остается одно, только отрицать. Он их всех перевел в КГБ и сержанта и лейтенанта и капитана, всех, кто видел эти вещи. Так что и они ничего не скажут.

- Ничего себе порядочки у вас в КГБ! – удивился я – неудивительно, что у нас все так получилось! И СССР распался! Но проверьте все, что я вам рассказал и написал! Меня проверьте. Я вам сказал адрес - Казахстан, Павлодарская область...

- Послал запрос, время должно пройти – пока дойдет, пока

проверят, пока ответ дадут.

- Так по электронной почте, по факсу пошлите! – и тут же понял, какая там электронная почта в их время!

- Да, - сказал я – а я еще в Кишиневе думал, что уж в Москве разберутся, поймут, и на тебе... думал, меня примут на довольствие, дадут какое-нибудь общежитие, зарплату! В какой-то степени радовался, что все так случилось, вот могу рассказать, что произошло и распад СССР, и война между Украиной и Россией. А тут мне не верят, в тюрьме держат!

- А зачем тебе общежитие, зарплата? – хмыкнул полковник – ты и так живешь в отдельной камере, кормят тебя! Что, плохо кормят?

Я вздохнул,

- Так ведь я в Москве, в 65 году, походить посмотреть на достопримечательности, музеи, театры посетить, знаменитых людей повидать собственными глазами, а не по телевизору, да и еще и снабжение нормальное, тем более в Москве. Хотелось бы попробовать колбаски сырокопченой, осетринки, икорки красной, черной!

- Дорого у нас это все – вздохнул полковник – а что, у вас этого нет?

- Есть, но стоит все это бешеные деньги – рыночные цены. Еще красную икру можно попробовать, а вот осетринка и черная икра - невозможно дорого. Да и ненастоящее у нас все это! Аквакультура!

- Как это ненастоящее? – поинтересовался полковник

- А искусственно выращенное в бассейнах, никакой пользы, никаких витаминов в них!

- Да? – заинтересовался полковник – ну, у нас такого пока нет!

- А у нас вот есть! И должно стоять не дороже курятины, а стоит как настоящая дикая осетрина или лососина! Такие дикие деньги, хотя осетрина и домашняя!

- А у нас ты считаешь дешевле? - поинтересовался полковник

- Ну, не знаю, просто по воспоминаниям от той советской жизни, которую я еще застал в 80 годы, часто потом думал, что вот если бы вернуться туда обратно, с тем опытом, который был у меня, жизни при капитализме, то я бы все бы попробовал. У нас в государственных магазинах был дефицит на сырокопчёные колбасы, на икру. Но вот как-то я пошел и купил в кооперативном магазине, совершенно свободно, 300 грамм московской сырокопчёной высший сорт, по 8 рублей 30 копеек и такой вкусной она мне показалась. Кроме того, однажды купил в буфете магазина Океан, что на проспекте Карла Маркса на Рышкановке, грамм 200-300 осетрины по 6 рублей с копейками. Правда, я тогда жил в общежитии, там же на Рышкановке, и не было у меня там холодильника, поэтому съел поскорее, чтобы не испортилась, и вкуса не почувствовал. У нас там, в будущем, все это есть, по рыночной стоимости, и фактически по той же цене, что и в кооперативных магазинах было, при советской власти, но не то, не

то! Если бы можно бы вернуться в прошлое, я бы совсем по-другому бы зажил, так я тогда думал! – мечтательно произнес я – и вот я в прошлом, и что? Меня заперли в камеру, не верят мне, ведь если бы мне поверили, то можно было бы все это предотвратить! Ведь знаете, ведь война идет! Война между Россией и Украиной, и такая война, такая ненависть с обеих сторон, что только ой-ей-ей! Ведь можно бы это все предотвратить!

- Допустим, ты прав и действительно у вас там идет война, но чем я могу тебе помочь, не знаю – сказал Полковник.

- Не верите вы мне – заметил я – как помочь, как помочь! Я вам назвал людей ответственных за распад Союза, примите меры, не допустите их к власти!

Полковник спросил – Кто же именно, виновен в этом? Ну-ка, ну-ка, назови имена.

- Говорил я уже – Ельцин, Яковлев, Шеварднадзе и прочие!

Я помолчал:

- Понимаете, я ведь совершенно простой человек, ординарный. А вы ведь полковник КГБ! В свое время, я считал работников КГБ самыми сознательными и правильными людьми, призванными защитить нашу страну...

- Ну, ну, - перебил полковник – мы тоже простые люди, вот ты родился в 58 году, а прибыл, как говоришь из будущего, из 22 года, то есть, тебе уже почти 65, то есть ты фактически старше меня, хотя я с 15 года. Кроме того, ты сказал,

что окончил университет, а я нет, да и то, что ты из будущего, это многое значит. Как ты говоришь, что работники КГБ для тебя образец, так для нас люди будущего тоже образец, хоть вы не построили коммунизм!

Я сразу заткнулся, вспомнил, как в детстве читая фантастику, относился к пришельцам из будущего. Конечно, они были для меня не простые люди, а мудрые люди будущего, которые знают гораздо больше нас.

Полковник продолжал:

- Ну, давай, расскажи, как там у вас в будущем. Расскажи, расскажи, может ты и действительно из будущего.

И я начал рассказывать. Путался, возвращался обратно, повторялся, мне было бы легче, если бы меня спрашивали, но Полковник только слушал, наконец я закончил свою исповедь.

Полковник помолчал. Затем сказал:

- Складно врешь, гляди и поверю тебе. Ну ладно иди, отдохай.

У камеры я сказал своему стражу, который привел меня с допроса:

- Столовая ещё открыта? Жрать хочется, не сбегаете, там мне должны бы оставить поесть, а?

Он ничего не сказал, запустил меня, запер дверь. Через некоторое время послышался шум открываемой двери, и караульный занёс кастрюльку со столовыми принадлежностями. На первое были щи без мяса, на второе - перловая каша

с котлетами. Небогато, но и на том спасибо. Поев, я запил водой из крана. Полковник принёс мне журналы, которые он выписывал, я выбрал «Крокодил», за 64 год. Год рождения моей жены. Как она там, подумал. Наверное, места себе не находит – эх! Настроение сразу упало, даже «Крокодил» не смог его поднять.

На следующий день меня долго никто не беспокоил. Я прямо извёлся, читая всю полковничью прессу. И только к вечеру дверь отворилась, и караульный сказал:

- К полковнику требуют!

Полковник сидел за столом, он кивнул караульному, что тот свободный, и тот ушёл. Полковник пригласил и меня, чтобы я присел. Я сел, а он задумчиво глядел на меня, потом сказал:

- Дело плохо, не верят тебе, и не знают, что с тобой делать! Понимаешь, посадить тебя в дурку, ты будешь там рассказывать про будущее, кстати давай еще расскажи, что будет интересного у вас – на Марс уже слетали? Ты об этом еще не сказал!

- Не-а! - сказал я – не слетали.

- Что ж так плохо? - укоризненно сказал полковник - и коммунизма не построили, и на Марс не слетали? Хоть на Луну слетали?

- Мы не слетали, вы слетали! Скоро, в конце 60-х!

- Мы? – переспросил Полковник.

- Ну не вы, то есть не мы, а американцы. Правда, тут есть

сомнения, в конце 60-х, начале 70-х летали, а потом, больше ни ногой! Да и в конце восьмидесятых, у них одни неудачи в космосе, столько жертв было у них!

- Какое-то скучное у вас будущее – заметил Полковник – и на Марс не слетали, и коммунизма не построили! Какой-то сплошной застой, за 60 лет почти как было, так и осталось!

- Кто его знает, может и Советский Союз развалился, потому что застой - ответил я...

- Впрочем, не совсем застой! – все-таки не согласился я – а все это, которое у меня было, которое майор в Кишиневе зажал? Планшеты, смартфоны, компьютеры – это ведь сейчас у нас там у всех! Все ходят со смартфонами...

- А что такое смартфоны? – переспросил полковник

- Да это и телефон, и компьютер, и фотоаппарат, и калькулятор, и прочее и прочее! Это и видеотелефон, который в кармане помещается, и записная книжка! А электросамокаты и прочие технические придамбасы! Например, идешь по улице, а тебе навстречу катится парень на одном колесе, или на двух колесах, но на одном интереснее!

Лицо Полковника при этом выразило интерес:

- Ну да, это интересно! На одном колесе говоришь, как в цирке?

Потом он как-то посерьезнел:

— Да, тут дело такое, не знают, что с тобой делать. Есть еще у нас такие, которые не могут забыть работать по старинке – есть человек, есть проблема! Нет человека – нет про-

блемы!

Я посидел, осмысливая его слова, и у меня по коже мурашки побежали.

Он посмотрел на меня и кивнул:

- Да, именно так. Правда, время сейчас другое, да и коллегияльность, один человек важные проблемы не решает! Надеюсь, что здравый смысл победит. Они ведь и боятся, что ты из будущего, а вдруг будешь рассказывать обо всем, представляешь, как это на народ повлияет! Ну, а ты тут сиди и пиши, как там будет в будущем, глядишь, что-нибудь и исполнится и это и будет доказательством! Есть такие доказательства у тебя?

- Конечно! – заверил я – полно! Погибнет космонавт Комаров, потом, в 68, или 69, уже не помню точно погибнет Гагарин!

- Да что ты говоришь, - поразился Полковник – в космосе?

- Нет на земле, самолет испытывали, он и инструктор Серегин. Потом, в начале 70-х годов погибнут сразу 3 космонавта Добровольский, Волков, и Пацаев! В 68 году будут события в Чехословакии, введут войска. В начале 70-х, немного потеплеют отношения с Америкой, даже американский президент приезжал. В космосе была стыковка ради этого случая – Союз-Аполлон.

Полковник помолчал, почесал голову,

- Да, однако, чувствуешь себя как после посещения гадалки, когда она нагадала плохое твоей семье или детям! Это

действительно будет с Гагариным и остальными? А скажешь, так ведь не поверят! Пиши, все это и другое, может действительно ты из будущего и знаешь, что случится!

Я сказал:

- А чтобы я не сказал, чего, примите меня в КГБ на довольство, я дам подписку о неразглашении и всего и делов! Дайте мне рублей 120 зарплаты, место в общежитии, и буду жить себе и молчать – честное слово!

- Если бы это только от меня зависело – буркнул Полковник.

Глава 4

Все последующие дни, я снова занимался сочинительством, в который раз. Уже не просто краткую биографию, а старался вспомнить жизнь мою поподробнее. Полковник дал мне тетрадку за 2 копейки, чернильницу, ручку, и я, стараюсь вспомнить все, сидел и писал. Сначала я описал свое детство, жизнь в Казахстане, всех своих родственников вспомнил. Бабушка с дедушкой жили ближе к краю улицы Джамбула. Напротив, на Колхозной, через огород, был дом Фуркало, который мы купили и переехали, где-то в 68 году. В 65 году я должен был пойти в первый класс. Мы тогда жили в центре, на Колхозной улице. Колхозная улица была самая крайняя улица, с нашего огорода виднелся совхозный ток, куда мы частенько бегали во время своих игр. Но зато на следующей улице – Джамбула, если пройти переулок, на

котором были керосинные склады, были магазины. Продуктовые, хозяйственные, культтовары, магазинчики поменьше, куда мы бегали сдавать бутылки, и на полученные деньги покупали маленькие шоколадки по 10 копеек. Потом, чуть правее, если смотреть от нас, была дорога в школу. Через школьный парк была новая школа – каменная, а слева была старая школа – бревенчатая. Перед старой школой была площадь, где зимой, под новый год, ставили ледяные скульптуры. Рядом с нашим домом слева, если смотреть с улицы на наш дом, жили Бирули, а справа – Уздембаевы. Он был хирургом в нашей больнице, а она работала учительницей. У Узденбаевых был сын моего возраста, Ербулат, с которым я дружил, он был из нашей компании. За Уздембаевыми жили Мунжау – многодетная немецкая семья, с детьми их я играл. Их мать по вечерам, выходила и кричала – Сажа ком гер! То есть Саша (их сын, мой ровесник), иди сюда. Через дом или два, я уже не мог вспомнить точно, жил тоже мой друг детства Павлик Гудзь. Конечно, эти все мои детские воспоминания были довольно шатким алиби. Как сказал мне полковник, ЦРУ, готовя меня к «идеологической диверсии», конечно же отлично бы подготовило мою легенду. Но, все-таки, я считал важным все это вспомнить. Воспоминания мои были довольно сумбурными, я зачеркивал, дополнял новым, если что-то вспоминал. Писать чернильной ручкой было непривычно. Я отвык уже и шариковой ручкой писать, обычно, если я писал что-то, то печатал на компьютере, а уж перьевой

ручкой, с чернилами из чернильницы, это было просто мучение. Но, человек ко всему привыкает, и вскоре я писал так лихо, словно Пушкин свои стихи. Я описал свое детство за 65 год, и решил больше уже ничего не писать. Потому-что проверить сейчас события, которые произошли позже 65 года было невозможно, и никто не будет сидеть в этом далеком казахстанском селе, проверять события за последующие годы, а тем более и более поздние события. Я должен был описать те события, которые уже касались всей страны, которые были бы ясно видны из Москвы. Поэтому я описал гибель космонавта Комарова, гибель Гагарина, высадку американцев на Луне, гибель троих советских космонавтов – Добровольского, Волкова и Пацаева. Из культурных событий описал фильмы, которые я видел, и которые должны были выйти. Конечно, это касалось культурных событий в жизни маленького мальчика далекого восточного казахстанского села, населённого в основном русскими, украинцами и немцами. Фильмы, которые меня затронули и которые задержались в памяти. В основном это были комедии, выпущенные, как я знал, после 65 года, либо в конце 65 года. Мне запомнились телевизионные фильмы – «Ставка больше, чем жизнь», польский фильм, упомянул и польский фильм «Четыре танкиста и собака». Фильмы, которые мне тогда запомнились, это были, в основном, комедии, как советские, так и зарубежные.

Я писал, потом вспоминал, дополнял, мне было очень

важно, чтобы они отнеслись к моему сообщению о войне между Украиной и Россией с доверием, и попытались сделать так, чтобы предотвратить распад Советского Союза, потому что я был убежден, что причина войны и корень зла, это был именно распад Советского Союза. Вскоре та тетрадка за 2 копейки, которую мне дал Полковник, закончилась. Впрочем, все мои воспоминания, касающиеся 65, 66 и ближайших годов были закончены. Но Полковник дал мне на всякий случай еще тетрадку, в которую я должен был заносить то, что еще вспомню.

- Хорошо бы копии иметь! Если бы не надо было бы все это иметь в строгой тайне, можно было бы отдать секретарше, чтобы перепечатала с копиркой, но лучше перестраховаться... - сказал Полковник, когда я отдал ему свои тетрадки. Я сказал на это:

- Если бы была печатная машинка, и кто-нибудь показал, как ею руководить, то я бы попробовал...

- А ты что, умеешь? - с сомнением сказал Полковник

- Ну, не так как секретарша, но, на мой взгляд довольно сносно! По крайней мере там, у нас, уже ручкой почти не пишут, все больше на компьютере, а там такая же клавиатура, только, может быть управление другое. Но, я бы попробовал освоить...

- Хм, - с уважением посмотрел на меня Полковник – если попробуешь освоить, я попробую достать!

И действительно, вскоре он притащил громоздкую печат-

ную машину, посмотрев на которую, я почувствовал невольный страх. Я отчетливо представлял, что печатать на компьютере намного легче, чем на машинке, но назвался груздем, полезай в кузов! И я начал осваивать. Проблемы в первую очередь, были в том, что опечатки исправлять на компьютере было намного легче. Каким образом исправлялись опечатки в тексте напечатанным на печатной машинке, я практически не знал, лишь потом стал припоминать, что опечатки замазывались белилами и то ли допечатывалась нужная буква, то ли дописывались ручкой. Как допечатывалась буква я не знал, и решил, что буду дописывать ручкой. Учитывая все это, я старался печатать внимательно, это хоть замедляло процесс, но улучшало качество – опечаток я делал меньше. Когда я закончил печатать, проверил все и исправил опечатки и отдал мое творчество, или может быть, лучше назвать, мою исповедь, полковнику, меня несколько дней не трогали. Эти несколько дней я просто извелся весь. Делать было нечего, и от этого, наверное, в голову приходили самые разные мысли, которые совсем не придавали мне здоровья. Мне стало казаться что у меня уже и сердце барахлит, но что делать, я не знал. Затем, наконец, меня снова вызвали к полковнику.

Кроме него самого, там был и еще человек в штатском, пожалуй, несколько моложе полковника. По тому, что тот начал мне задавать вопросы, не советуясь с Полковником, я сделал вывод, что тот старше его по званию. Допрашивал он

меня со знанием дела. Нужно сказать, что это, несколько облегчило мне мою задачу – легче было отвечать. Кроме того, что произойдет в ближнем будущем, его интересовали и более отдаленные времена. Он спрашивал, где я учился, на кого, когда закончил. По мере того, как я ему рассказывал об этом, открывались такие детали – когда умер Брежнев, кто стал Генеральным секретарем после Брежнева. Когда я назвал Андропова, эти двое обменялись многозначительными взглядами. Когда я назвал фамилию Горбачева, штатский спросил Полковника – Как?

Полковник подтвердил – Да, есть такой!

Про Ельцина он тоже подтвердил, что нашелся где-то в Свердловске.

- Ну, а как вы объясняете, что вы из будущего попали сюда? - спросил он

- Кто его знает – подумав, ответил я – читал я в интернете, что где-то в далекой галактике столкнулись две массивные черные дыры, и они могли вызвать пространственно-временные волны, зыбь, которая, могла и забросить меня сюда!

Последовали вопросы, что такое черные дыры и прочие другие, на которые я постарался в меру своих сил ответить. Впрочем, они должны были удовлетвориться моими ответами, потому что мало кто мог тогда дать более вразумительные разъяснения. Рассказал я еще им, по-моему, в который раз, как я несколько раз до войны, наткнулся в интернете на предсказания, что в начале 20-х годов начнется война, по-

том будет голод. В конце 20-х годов будет сделано какое-то великое открытие (какое, я, к сожалению, уже не помнил, но тогда оно произвело на меня впечатление, как очень значительное открытие, и это я запомнил). В 2075 году, было сказано, на Земле победит коммунизм!

- И как ты относишься к этому предсказанию? – спросил меня штатский.

- Ну как - война началась, как и было предсказано! – ответил я.

- А голод? – спросил штатский, я ответил, что война еще идет, и я не знаю, что там сейчас.

- А почему все-таки началась война? - Задал вопрос штатский. Я его про себя уже начал называть генералом.

- Главная причина, по моему мнению, это развал Советского Союза – виновато НАТО. Когда Горбачёв распускал Варшавский договор, ему пообещали и НАТО распустить, а потом обманули. Не только не распустили, а и стали расширять за счет восточных стран, приближаться к России.

- Так что – хмыкнул «генерал» - ты предлагаешь объявить войну НАТО?

- Можно и без войны, просто не допустить развала СССР!

- Ну, развал произошел, как ты говоришь, в 91 году, а война через почти 32 года!

Я стал объяснять мою точку зрения, что во всем виновен страх – страх заставил США организовать на Украине майдан. Страх того, что может быть восстановлен Советский Со-

юз, и поэтому майдан был организован как, прежде всего, антикоммунистический и антисоветский шабаш. Во всем была обвинена Россия, к власти пришли националисты и именно это устраивало США, ибо гарантировало не союз между Украиной и Россией, а ненависть! Что привело к напряженному отношению между регионами, где было много русскоязычных, и центральной властью. Кроме того, российского президента называли на Украине не иначе как матерным словом, и это поддерживалось не иначе, пожалуй, как на самом верху. Возможно даже и нынешний президент Украины Зеленский тоже грешил этим. Когда «генерал» поинтересовался - каким образом, я ответил ему – Да он же был до президентских выборов комиком!

Штатский сделал непонимающие глаза, я ему подтвердил, что да, был артистом - комиком! Он, видно и не думал о президентстве – шутил, шутил, и вот и судьба над ним подшутила! А когда шутил, то для популярности среди масс мог и назвать Путина этим словом – а тому и доложили! А Путин и обиделся! Да! На мой взгляд президент не имеет право обижаться, он должен быть выше всего этого! Он должен думать о народе.

Да, о Зеленском... Президентом тот стал после выборов, когда пообещал завершить конфликт на Донбассе... Я еще добавил, что во всем этом, на мой взгляд, самым нормальным, был украинский народ – после майдана он дал на выборах в Раду правому сектору, который был самой активной

силой на майдане, только два процента, тем самым показав, что майдан был не украинским проектом. Выбрал Порошенко только потому, что тот работал в правительстве Януковича и надеялся, что он продолжит линию Януковича. Когда Порошенко затеял АТО, прокатил Порошенко на выборах, дав ему только 30%, а Зеленскому 70%.

А вот Россия проявила несдержанность, затеяв войну. Видимо тоже виноват страх, что НАТО может развалить Россию. Надо было Путину договариваться с Зеленским. Видимо обида на Зеленского победила.

И когда «генерал» спросил, почему, же этот Путин не договаривался, я ему ответил, что по моему мнению, он и не думал договариваться, видимо обида победила – посчитал что война будет более эффективным способом разрешения проблем, да и думал, что украинцы сразу ручки подымут и сдадутся! Решил войной наказать Украину за то, что его так обидно там называли, только вот недооценил Украину, думал, что дойдет до Киева за три дня, или в крайнем случае, три недели, выпорот обидчиков, потом всех простит и все! Ну и все закончится, и забудется – как говорится, победителей не судят! А получилось все гораздо сложнее – спецоперация фактически превратилась в настоящую войну. Переоценил Путин Россию и недооценил Украину. Когда готовишься к войне нужно собрать все необходимые сведения и о вооружении, и о настроении народа, как он себя поведет в случае войны. Разведка у Путина оказалась паршивой – до-

ложила ему то, что он хотел слышать. А может быть это Путин такой - приучил разведку докладывать только то, что он хочет услышать!

В общем, мне пришлось объяснять то, что для меня было вполне очевидным. И снова приходилось возвращаться назад, добавлять то, что пропустил, считая это очевидным! Но очевидным это было для меня, но не для них, из 1965 года!

Генерал спросил Полковника насчет Путина. Тот ответил, что Путин, судя по всему, еще пацан, лет двенадцати, как его найдешь по стране. Генерал помолчал и заметил:

– Послевоенное поколение, не видевшее войну! Для них война - это не смерть, разруха и лишения, а фанфары победы. Наше поколение никогда на такое не пошло бы!

Я немножко ехидно намекнул им, что Путин, собственно говоря, их коллега, из КГБ. Полковник обиделся:

- Что ты думаешь, у нас только святые работают? Всякие бывают, бывают карьеристы, властолюбцы! Есть и предатели. Не много, конечно, но есть.

Генерал посмотрел на него неодобрительно, потом махнул рукой:

- Ладно, если ты оттуда из будущего, то, конечно, знаешь уже все!

Я согласился:

– Знаю, даже не только все, но и больше!

Они не поняли – Как это?

Я объяснил, что в нас уже столько наплели о КГБ, что,

чтобы узнать истину, нужно очень кропотливо выбирать из всей информации. Кто-то врал от ненависти, кто-то - просто желая заработать на сенсации.

У нас было несколько таких встреч, пока наконец, при очередной встрече, генерал не объявил, что мой вопрос разрешился положительно – что меня решили взять на должность агента, ну будешь получать рублей 70-80, извинительно объяснил генерал, потому сам понимаешь, у нас не бездонный колодец, а ты будешь получать эти деньги фактически как пенсию, не хрена не деля, только чтобы подписал бумагу о неразглашении (если разгласишь, то сам понимаешь...). Я был рад, что хоть как-то и что-то решилось.

Объявив все это мне, полковник заговорщицки подмигнул генералу и вытащил бутылку водки, потом две банки, кивнув на которые, полковник сказал: - Икра!

Доставали еще всякие вещи - хлеб, овощи и прочие разносолы.

- Садись – сказал генерал, - отмечать будем
- Да я, как бы и не пью, – заикнулся я
- Что тут пить – хмыкнул полковник – пол-литра на троих, меньше, чем по стакану на нос!

Я налегал все больше на икру – генерал одобрительно кивал: - Давай, давай, на семьдесят рубликов не скоро еще придется попробовать!

Надо сказать, что под икорку, водка пилаась удивительно легко.

Когда, хмельной, я вернулся в свою камеру, сторожа, или как его назвать, уже там не было.

Глава 5

Утром, проснувшись, я долго лежал, осмысливая вчерашнюю новость. Не верилось, что я уже свободный и могу идти куда захочу. Вот только куда идти, ведь денег у меня нет! Тут в дверь камеры постучали, потом она приоткрылась и просунулась голова моего недавнего охранника. У меня сразу в голове пробежала мысль – обманули! Но охранник извинился, и сказал, что меня вызывает полковник. Я встал, умылся, оделся и вышел. За дверью стоял мой охранник, он что-то протягивал мне, я взял это и увидел, что это ключи. Охранник сказал, что полковник велел ему передать их мне, потому что мне придется пожить здесь, пока не решится вопрос с жильем. Мы с охранником пошли наверх, он довел меня до двери полковника, постучался в дверь и ушел. За дверью пригласили войти. Я вошел, полковник сидел за столом и кивнул на стул рядом со столом, чтобы я сел. Я сел. Полковник спросил:

- Отдал тебе ключи?

Я кивнул

- Поживешь пока здесь, пока все решится, – он открыл ящик стола и вытащил что-то оттуда. Это были деньги.

— Вот деньги, – сказал он – потом будешь получать в кассе, оформим тебе документы, ну, это, надеюсь быстро будет,

и станешь совсем свободным человеком!

Он встал, я тоже поднялся. Полковник протянул мне руку, пожал мою и сказал:

- Я остаюсь твоим куратором, так что будем еще встречаться, если какие сложности, обращайся!

Деньги были небольшие – рублей 70. Но это все же были деньги, и они означали мою свободу. Конечно, нужно было продумать мои траты. За квартиру мне не платить, питаться я могу тут же, в столовой – кормили тут хорошо и довольно дешево.

Это время мне вспоминается просто восхитительным. Деньги у меня были, пусть даже небольшие. Я, впрочем, почти ни на что их не тратил. Передвигался я в основном пешком, помня, что движение это жизнь. Москва 1965 года, по сравнению с Кишиневом 2020-х, была практически лишена транспорта. Какие там пробки, можно было переходить улицу в любом месте, я, правда, воспитанный транспортным кошмаром 21 века, прилежно чтит правила дорожного движения, да и, кое-где, можно было наткнуться на постового. Первое место, куда я поехал, это был московский зоопарк. Я уже не помнил, был ли я в московском зоопарке. Когда я учился в университете, я был на преддипломной практике в Пущино, в 1982 году, в Подмосковье. И мы с Вовчиком (моим однокурсником) несколько раз ездили в Москву, но вот не помню, посещали ли мы тогда московский зоопарк? Помню, где-то мы пили очень вкусную Фанту (тогда - ред-

кость), и ели мороженое, но было ли это в Зоопарке, не помню - ведь было это, фактически, 40 лет назад. В Зоопарке Фанты не было, но мороженое, очень вкусное, было. Я взял, и вспомнил, как взял его в Кишинёве, и так и не съел, потому что был арестован. Мороженое было на высшем уровне. Хотел взять еще, но побоялся застудить горло, и решил взять потом, перед уходом. Я бездумно ходил по зоопарку, любуясь зверьем, пейзажем, наслаждался свободой и веря, что все будет в порядке. Перед уходом я съел еще эскимо. Да, - подумал я – у нас таких продуктов больше нет, все оптимизировали, ГОСТ отменили.

Следующий мой маршрут, это был Кремль. Я был в Кремле в детстве, не в 65 году, а наверное, в 66 или в 67. Потому что на фотографиях, которые у меня остались с тех пор я был в школьной курточке, значить уже ходил в школу. Я мечтал встретиться с самим собой и с мамой, конечно, тайно. Потому, что вряд ли мама поверила бы мне, что это я. Да и нельзя было мне светиться – ведь дал же я подписку о неразглашении. Да, как я тогда я относился к Москве в детстве – с каким трепетом! Столица нашей родины. Песни о Москве заставляли встать и подпевать. Сейчас я не испытывал подобного пиетета. Я помнил, что именно отсюда расползлась та зараза, которая и развалила СССР, и фактически привела к той войне, которая сейчас идет в моем времени. Так я бродил по Москве, вспоминая различные произведения, которые довелось мне читать, описывавшие Москву.

Ходил по Арбату, Красной Пресне, по улице Горького и по многим другим местам. Я уходил утром, к обеду приходил к Управлению, чтобы поесть, и затем уходил, до времени, когда нужно было прийти, чтобы поужинать. Работа управления практически была ненормированной, и столовая работала до конца рабочего дня. Потом, я узнавал столовые и кафе, в которых можно было поужинать вкусно и дешево, и это делало меня менее зависимым от работы Управления. Особенно это было удобно для воскресенья, когда управление работало только в дежурном варианте. Это длилось около месяца, или чуть больше, потом меня снова вызвали к полковнику и он, пригласив меня присесть сообщил мне, несколько извиняющимся тоном, что мне нашли работу.

- Ты ведь сказал, что ты работал бактериологом? – спросил он у меня.

- Да – ответил я

- Такой должности как бактериолог, мы для тебя не нашли, сам понимаешь, для этого нужны документы, диплом, а у тебя, само собой, их нет. Но ты говорил, что работал на автоклаве, и должность автоклавёра мы для тебя нашли, как раз в нашей больнице, и жить ты будешь в нашем общежитии.

Это известие я встретил неоднозначно – с одной стороны, это давало мне большую свободу, ибо меньше глаз за мной будет следить, с другой стороны я лишался привольного ничегонеделанья, при этом за это «ничегонеделанье» мне еще

давали деньги. Впрочем, я понимал, что все хорошее кончается, и такая жизнь не могла быть вечной, этот момент рано или поздно должен был настать. Я кивнул головой, давая знать, что понял.

Полковник сказал:

- Ну, тебе дадут немного времени, чтобы устроишься, я думаю, что это не займёт много времени – перевозить тебе в общежитие ничего не надо, у тебя ничего нет, так что с понедельника выходишь на работу.

Полковник меня снабдил, предварительно выразив надежду, что я не побрезгую, кое какой одежкой, рубашками («все стираное, не думай», как он сказал), брюками, пиджаком. Сказав, что негоже мне ходить в том, в чем ходят, либо не совсем сознательные люди (с намеком на артистов), либо спекулянты – имея в виду мои потертые джинсы. Кроме того, еще и дал мне свой холодильник «Саратов». Я намекал, что я бы и заплатил бы за него, но он обрезал – Что я спекулянт?

Такой холодильник появился у нас в Казахстане, в моем детстве, в конце 60-х. Мама купила с рук, тоже б.у., но он нам служил и в Казахстане и долгое время на Украине, когда мы переехали. Я был несказанно обрадован, ибо за свою зарплату я его ни за что не смог бы купить! Полковник сказал, что он купил себе новый «ЗИЛ» – огромный как шкаф, хоть барана клади в него!

Глава 6

В общежитии меня поселили в крошечную комнатку, в которую поместилась бы, кроме небольшого шкафа, и стола, еще и кровать и только, ну, еще втиснул и этот маленький холодильник. Но так как меня вполне устраивала односпальная кровать, то я был вполне доволен. Кроме того, там был небольшой балкон, который опоясывал все здание и был поделен на секции тоненькими перегородками. Балкону я тоже был очень рад. Там можно было сушить постиранное белье и, кроме того, можно было пить чай, в хороший летний или весенний вечерок. В начале своей трудовой деятельности я жил в подобном общежитии, и в подобной комнате, поэтому это все имело для меня и некий сладкий налет ностальгии, я как бы помолодел душой. Народ подобрался сплошь молодой и неженатый, только несколько пар было семейных. Внизу в подвале был душ, работавший по четным как мужской, а по нечетным как женский. Правда, женщин почти не было, не считая семейных. Курсанты, а в основном там жили курсанты, видимо дивились, видя, что я в таком возрасте живу в общежитии, но имея профессиональное обыкновение не задавать вопросы, молчали, как будто бы так и надо.

Я получил документы и пошел устраиваться на работу в ведомственную больницу, в качестве автоклавёра. Мне по-

нравилось, как меня там встретили, много вопросов не задавали, ознакомили меня с аппаратом, дали паспорт, на похожих аппаратах я работал, так что особых трудностей не было. Стерилизовать нужно было халаты, одежду, белье и прочие подобные этому вещи. Меня это очень устраивало – не нужно было стерилизовать среды, всякие химикаты, которые могли выделять при стерилизации какие-то вредные вещества, то есть горячий пар можно было выпускать прямо в автоклавную. На прежней работе у меня были заморочки со стерилизацией отработанных бактериологических сред. Вредных продуктов было столько, что не надо было какой-то аппаратуры, достаточно собственного носа. Да и для стерилизации приготовленных бактериологических сред тоже достаточно было мороки. Потому что чуть передержишь, или чуть повыше температура, и гадай, в чем дело, почему такой рост. А здесь все просто – включил, выключил. И не имеет значения, если чуть передержал или температура чуть выше. Так что в этом отношении все было хорошо. Да и относительно недалеко все было от общежития. Кормили меня там же. Готовили там много, и много оставалось, так что сотрудники питались там же при больнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.